

Проблема изучения творческой истории сборника А. Т. Аверченко «Записки Простодушного»: к 100-летию первого издания

В. Д. Миленко

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и русская литература»,
Севастопольский государственный университет,
Россия, г. Севастополь. E-mail: vika-milenko@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является попытка комплексного воссоздания творческой истории сборника А. Т. Аверченко «Записки Простодушного» (1921) и решения основных проблем его изучения. Автор формулирует значимость цикла в наследии писателя, определяет его литературную роль и подчеркивает, что он рассматривается достаточно редко, в основном в обзорах. Этим обусловлены актуальность и научная новизна темы исследования, приуроченного к 100-летию книги.

По материалам константинопольской франко-русской газеты *Presse du Soir* («Вечерняя пресса») 1920–1922 гг. воссоздается первая редакция цикла, характеризуются художественные функции острашения (диалога автора и рассказчика), устраняются разночтения в написании прозвища героя. Сопоставляются газетная редакция и первое отдельное константинопольское издание, являющееся библиографической редкостью, что затрудняет текстологическую работу. Автор статьи не только приводит результаты сопоставления (появление обрамления, изменение структуры и так далее), но и высказывает предположения о причинах корректив, источниках финансирования книги, привлекая малоизвестные материалы архива писателя. Характеризуется реакция «русского Константинополя» на книгу.

Газетный цикл и константинопольское издание далее сопоставляются с берлинским переизданием «Записок Простодушного» 1923 г., ставшим наиболее объемной и продуманной авторской версией цикла. Прослеживается история дальнейших, посмертных переизданий книги в России и в Европе. Отдельное внимание уделяется парадоксальной политической судьбе «Записок Простодушного». Прокладно встреченная русским зарубежьем, эта книга после выхода в 1922 г. в Москве послужила советской пропаганде.

Результаты исследования применимы как в работе по изучению наследия эмиграции первой волны в целом и Аркадия Аверченко в частности, так и в контексте анализа отечественной смеховой литературы XX в.

Ключевые слова: Аркадий Аверченко, «Записки Простодушного», *Presse du Soir*, текстология, редакция, цикл, пикареска, образ рассказчика, повествовательная маска, образ автора, анекдотизм.

Сто лет назад, осенью 1921 г., в Константинополе увидел свет сборник «Записки Простодушного» А. Т. Аверченко². Эта книга занимает особое место в наследии писателя. Она – первая эмигрантская, она же – наиболее концептуальная, гармоничная по форме и содержанию из всех его сборников. Тема, идея, заглавие, образы рассказчика и автора – все в ней подчинено единой цели изображения быта русских беженцев на Босфоре. К тому же «Записки...» – единственная после «Сатириконцев в Европе» (1915) книга Аверченко, содержащая сведения автобиографического характера (хотя и с изрядной долей мистификации).

Литературное значение «Записок...» трудно переоценить. Во-первых, это классика смехового жанра³. Во-вторых, некоторые главы цикла позволяют говорить о возрождении отечественной пикареской (плутовской) прозы. Напомним, символ тараканьих бегов в глубочайшем философском прочтении метаморфозы русского характера впервые использовал именно Аверченко, именно в «Записках...».

Интересна и политическая судьба книги. Русское зарубежье встретило ее прохладно: читателю не доставало антисоветской тенденциозности, отличавшей другие работы Аверченко того времени. Зато в Москве, где сборник переиздали уже в 1922 г., он стал подспорьем в деле пропаганды. Имя Аверченко еще не было забыто, его слово по-прежнему многое значило, и это слово, то есть содержание «Записок...», убеждало в том, что эмиграция – ошибка и трагедия.

© Миленко В. Д., 2021

² Далее «Записки...».

³ О популярности книги в наши дни говорит, к примеру, обыгрывание ее заглавия: «Записки простодушного, или Религия и атеизм в их истинах и неправдах» (1991) С. А. Колдунова, «Записки простодушного. Жизнь в Москве» (2018) В. З. Санникова и др.

Полагаем, вышесказанного достаточно для того, чтобы современная филология обратила на книгу более пристальное внимание. Тем более что предпосылки к ее серьезному изучению были заложены еще в начале 1990-х гг. [9], а в последнее время ею заинтересовались в Турции⁴ [13; 20; 21]. Тем не менее ни одной специальной работы о «Записках...» так и не появилось; цикл по сей день рассматривают преимущественно в обзорах [17; 19]. Что же касается попыток воссоздать его творческую историю, то они не предпринимались вовсе. На этом пути исследователь столкнется с многочисленными проблемами: константинопольский период биографии Аверченко малоизвестен, материалов этого времени почти нет в его архиве, мемуарные свидетельства также редки. Мы впервые предпринимаем попытку комплексного воссоздания творческой истории сборника, обозначая основные трудности в ее изучении и намечая пути их решения. В этом видятся **актуальность** и **научная новизна** темы исследования, приуроченного к 100-летию юбилею книги.

Основным источником сведений о константинопольском «сидении» Аверченко сегодня является франко-русская газета *Presse du Soir*, с которой писатель сотрудничал в 1920–1922 гг. Отечественным специалистам она малодоступна, так как хранится в фондах Славянской библиотеки – Национальной библиотеки Праги. Нам посчастливилось работать с этим изданием.

Presse du Soir позволяет восстановить первую редакцию «Записок...» – прежде чем выйти отдельным изданием (во второй редакции) цикл печатался в этой газете. Публикация началась 4 декабря 1920 г., примерно через три недели после эвакуации автора из Севастополя. Она включала «Предисловие» и комический очерк «Первый день в Константинополе», объединенные общим заглавием «Записки Простодушного». Концепция цикла сложилась у Аверченко сразу, вскоре по приезде. Столь же быстро, в первом же очерке, родилась ключевая для понимания замысла метафора «города-зверя», в котором предстоит жить по волчьим законам:

«Рев, крики, стоны и вопли неслись уже со всех сторон.

Зверь встал на задние лапы, потянулся и, широко открыв огромную пасть, заревел: зверь хотел кушать» [3, с. 3].

Позднее, в «Константинопольском зверинце» и «Втором посещении зверинца», метафора станет развернутой. Рассказчик посетует на то, что в «городе-звере» хорошо устроились только «люди-звери».

В первой редакции «Предисловия» не было рассказа об эвакуации, приводилась лишь притча о дураке. Очевидно, шутить над крымской катастрофой в тот момент не хотелось. Писатель понимал, что пароходным трюмом, в котором его герой прибудет в Константинополь во второй редакции «Предисловия», гордиться не приходится.

Подчеркиваем: не сам Аверченко прибудет, а его герой и одновременно рассказчик. Магистральная интрига «Записок...» состоит в попытке уверить читателя в том, что автор и есть Простодушный. Впервые это происходит в «Русском искусстве», где актриса Аннушка сначала обращается к рассказчику: «Слушайте, Простодушный! Очень хочется вас видеть» [4, с. 3], а чуть ниже объясняет своей барыне: «Ихняя фамилия – Аверченко» [там же]. Разумеется, это мистификация. Перед нами обычный прием остранения: диалог скорбящего автора и веселящегося рассказчика-простака, придающий глубину анекдотическому содержанию книги.

Газетная редакция позволяет решить проблему разночтений в написании прозвища героя. При переизданиях оно приводилось то с прописной, то со строчной буквы. Правильно следует читать – Простодушный. В этом случае невольно возникает ассоциация, к примеру, с вольтеровским «Простодушным» (1767). Однако, по нашему мнению, Аверченко о литературных параллелях не задумывался. Он просто нашел эвфемизм, чтобы не называть своего героя «дураком/дурачком», и в том же «Предисловии» обозначил идею цикла: настало время, подобно дураку из притчи, плакать на свадьбе и рыдать на похоронах. «Пора, пора – давно пора – пересмотреть наше отношение к дураку, – пишет Аверченко. – Он мудрец. Может быть, раньше это было трудно понять, но теперь, когда вся Россия вывернулась наизнанку и сидит на чемоданах и узлах, – мы многое должны пересмотреть и переоценить.

Впрочем, если быть искренним, то за “бывшего” дурака, а ныне мудреца я распинаюсь не без тайной цели: попутно я хочу оправдать и себя, потому что отныне я тоже решил “улыбаться на похоронах”...» [3, с. 3].

Писатель старался предвосхитить упреки в неуместном веселье. Раз его герой – дурачок, так на дураков не обижаются. А вот его дурацкая наивность и готовность всем поддаки-

⁴ В 2018 г. в Стамбуле вышел перевод сборника на турецкий язык «Bir Safdilin Hatıra Defteri» (в переводе М. Йылмаза).

вать и во всем участвовать сделают абсурд русской жизни в Константинополе более зримым. Позволят показать изнанку этой жизни, ведь дурачков не стесняются. Эта-то повествовательная маска, сама по себе жанрообразующая, помноженная на лейтмотив голода и сопутствующий ему принцип «какая честь, когда нечего есть» (у Аверченко: «В Константинополе все удобно» [8, с. 6]), авантюрную философию «лови момент!» и стихию смеха, маркируют совершенно конкретный жанр – пикареску. Хотя писатель и до революции обращался к нему, особенно в годы Первой мировой войны, бичуя спекуляцию, но оставался наблюдателем. Подлинное возрождение жанра стало возможным лишь тогда, когда плутовская стихия захлестнула и начала «антивоспитывать» его самого. И в полном согласии с жанровым канон Аверченко задействует в «Записках...» кумулятивную сюжетную схему, нанизывая эпизоды на хронотопы *дороги* (Гран рю де Пера, центральная магистраль района Пера) и *мегаполиса* с его многоголосием и многоязычием: «Как во время настоящего приличного столпотворения – все говорили на всех языках» [4, с. 3].

В *Presse du Soir* было напечатано 12 глав цикла⁵. Их нумерация порой сбивалась или вообще отсутствовала. 5 сентября 1921 г. газета сообщила, что «Записки...» скоро выйдут отдельной книгой [10, с. 44]. Видимо, спешкой объясняется то, что газетная редакция осталась без «Заклучения», то есть без обрамления. 25 сентября 1921 г. журнал «Зарницы» сообщил о поступлении «Записок...» в продажу [23, с. 21].

Здесь возникает еще одна проблема. Константинопольское издание книги – библиографическая редкость. Его нет даже в фондах крупнейших Российской государственной и Российской национальной библиотек⁶, что затрудняет текстологическую работу. Однако нам удалось исследовать экземпляр, представленный в Славянской библиотеке – Национальной библиотеке Праги. Утверждаем: такого оформления книг Аверченко не было ни до, ни после. На обложке (а не на шмуцтитуле, как обычно) помещался фотопортрет писателя, устало подпирающего голову рукой. Вряд ли такой дизайн следует объяснить тем, что на услугах художника сэкономили. Аверченко сам хорошо рисовал и в случае крайней нужды мог сделать обложку. Вероятнее другое: это была часть все той же мистификации, о которой шла речь выше.

Сопоставление первой и второй редакций «Записок...» дает следующие результаты:

1. *У цикла появилась обрамление.* «Предисловие» обрело заглавие «Предисловие Простодушного. (Как я уехал)», эпиграф о попугае и кошке и было расширено рассказом об эвакуации, задающим всей книге анекдотический дух и тон. С ним интонационно контрастирует «Заклучение», где автор, сбросив маску Простодушного, подводит невеселые итоги года жизни в изгнании.

Трудно сказать, для чего понадобилось дополнение о путешествии Простодушного в парходном трюме. Возможно, требовался какой-то старт, точка отсчета злоключений. Либо это метафора: со дна судна герой будет выброшен на дно жизни. В «Аргонавтах и золотом руно» на замечание приятеля о том, что «Константинополь – золотое дно», Простодушный отвечал: «Дно-то дно <...> Только золотое ли?» [2, с. 3]. Очевидна и карнавальная перемена местами верха и низа: рассказчик просил подать ему парход к парадной Графской пристани, рассчитывая на каюту, а оказался в трюме. Есть еще один уровень смысла, доступный, правда, лишь севастопольцам: в Южной бухте, где Простодушного взяли на борт, швартовались не пассажирские, а грузовые суда. То есть герой и сотоварищи утратили свою природу: перестали быть людьми, превратились в груз. Что и озвучивается Простодушным: «...команда не прочь была бы даже выкинуть нас всех за борт, только чтоб развязаться с беспокойным, непоседливым грузом» [1, с. 7].

Отдельной проблемой рисуется интерпретация авторской интонации в рассказе о крымской эвакуации. Аверченко, вероятно, единственным из всех, кто когда-либо писал об этом, позволил себе шутить. На правах биографа писателя решимся утверждать: это не случайность, а жизненная позиция. Позднее, оказавшись в Европе, Аверченко также вспоминал об этой трагедии с юмором. Например, делился с румынами: «...держались мы до последнего,

⁵ Структура цикла в *Presse du Soir*: «Предисловие. Первый день в Константинополе» (4 декабря 1920 г.), «Галантная жизнь Константинополя. Деловая жизнь» (11 декабря 1920 г.), «Русские женщины в Константинополе» (18 декабря 1920 г.), «Русское искусство» (24 декабря 1920 г.), «Аргонавты и золотое руно» (19 января 1921 г.), «Окультурные тайны Востока» (12 февраля 1921 г.), «Константинопольский зверинец» (25 февраля 1921 г.), «Второе посещение зверинца» (14 марта 1921 г.), «Нечто военное» (19 апреля 1921 г.), «Благородная девушка» (14 мая 1921 г.), «Бриллиант в три карата» (3 сентября 1921 г.).

⁶ Далее РГБ и РНБ.

но когда нас оттеснили так, что мы уже висели на кончике крымской черноморской скалы, пришлось плюхнуться в море и приплыть к гостеприимным туркам» [18, с. 86]. Беремся объяснить юмор Аверченко его гордостью. Он никогда не признал бы себя побежденным. А умному – достаточно и «Записок...». В «Заключении» автор прощал со своей маской:

«...умер Простодушный...

Доконал Константинополь русского Простодушного. <...>

Выковали из нас – благодушных, мягких, ласковых дураков – прочное железное изделие» [1, с. 93].

Так финал цикла перекликается с началом: люди-«груз» через год жизни в изгнании стали железными.

2. *Изменилась структура цикла.* Во-первых, последовательность глав стала иной. Во-вторых, фельетон «Нечто военное», высмеивающий греческого полководца Папуласа, Аверченко исключил (он явно расходился с темой сборника). В-третьих, писатель счел, что этой теме отвечают фельетоны из *Presse du Soir*, изначально не отнесенные к циклу: «Лото-Тамбола», «О гробах, тараканах и пустых внутри бабах», «Еще гроб» и «Русские в Византии». Помимо этого, структура была расширена переработанными фельетонами из севастопольской газеты «Юг России»: «Развороченный муравейник», «Великое переселение народов», «Трагедия русского писателя» и «Язык богов». Количество глав увеличилось с 12 до 19.

3. Появились *лирический подзаголовок* «О нашей жизни, страданиях, о веселых и грустных случаях, о приключениях, о том, как мы падали, поднимались и снова падали, о нашей жестокой борьбе и о тихих радостях...» и *адресат*: «Дружески посвящаю Юлии Прокопович (Горской)». Заметим: посвящение обескураживает. Личность женщины нами установлена: это была актриса театра Аверченко «Гнездо перелетных птиц», мимолетное его увлечение, вряд ли заслуживавшее такого увековечения. Ниже мы попытаемся решить и эту проблему.

4. Особенность издания – *обилие рекламы* (17 объявлений), не всегда связанной с книгоиздательским делом. Предлагались услуги мужского портного (с указанием, что он шьет для «Гнезда перелетных птиц», то есть и для автора), ресторана «Григория Карпыча» (где Аверченко был завсегдатаем), торгового дома Бориса Прегеля (писатель с ним дружил), ювелирной мастерской, банкирского дома, коньячно-водочного завода и так далее. Сегодня эта реклама воспринимается как иллюстрация к «Запискам...»: русские конторы, банки с пафосными названиями размещались по самым невероятным адресам. Так, издательство «Культура» работало на Пера, 451, при входе в трактир «Медведь». Книга пестрит и скрытой рекламой: в тексте упоминаются ресторан Сарматова, отель «Токатлиан», комиссионный магазин «Окказион» и так далее.

Вероятнее всего, «Записки...» выпускали на паях⁷. На материальную поддержку Врангеля, как это было в Крыму⁸, Аверченко больше не мог рассчитывать. Книга не отвечала задачам белой пропаганды и рисовала отдельных представителей разбитой Русской армии откровенно карикатурно. Что касается *Presse du Soir*, как будто имевшей на «Записки...» некоторые права, то материальные дела газеты именно в это время пошатнулись. Ее владелец тайно получал помощь от кемалистов [14]. Личных средств у Аверченко также не было. В июне 1921 г. он сетовал в письме Ю. И. Чеховичу на то, что его «денежные дела... кособокие – совсем съехали набекрень» [6, л. 1 об.]. И делился: «...тут одни арапы предлагают мне издать книгу фельетонов, но так как это жульнический городишко – этот самый Бизанс, то я побаиваюсь. А вдруг они мошенники?» [там же]. Возможно, речь шла именно о «Записках...», а назвать «арапов» пока затруднительно.

Между тем интересно установить, кто финансировал издание, потому что вышел скандал. «Русский Константинополь» юмора в свой адрес не понял и не оценил. Вскоре после выхода книги Аверченко вызвал на дуэль оскорбленный офицер [15, с. 93]. Писатель рассказывал, что к нему явился подвыпивший «сын Марса» и требовал удовлетворения: автор де обидел в «Записках...» его «друга персонально» и «всю корпорацию русских аристократов» [8, с. 5]. Визитер упрекал писателя в том, что он развернул оружие смеха против «своих». Аверченко же смеялся над ним.

⁷ Следующие два сборника Аверченко «Дети» и «Кипящий котел», оба 1922 г., выпущенные в Константинополе издательством «Культура», не содержат рекламных объявлений.

⁸ При финансовой поддержке врангелевского Правительства Юга России были изданы книги Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» и «Нечистая сила», обе в 1920 г.

Конечно, подобный скандал – тоже реклама. В остальном упреки в адрес автора книги порой справедливы. Одна только новелла «Оскультные тайны Востока», где он сравнил оголодавшего русского военного, согласившегося от безысходности посетить хироманта, с рабом римского патриция, на котором пробовали качество яда, балансирует на грани анекдота и откровенной бестактности. Стараясь понять такую позицию Аверченко, мы нашли единственно возможное объяснение. Он не отделял себя от своих персонажей – недаром и в подзаголовке говорил «о наших невзгодах», и в «Заключении» переходил с «я» на «мы».

Аверченко выживал наравне со всеми. Ему пришлось в своем театре-кабаре конферировать, плясать, даже петь [22, с. 256–258]. Некоторые коллеги считали подобное занятие порочащим высокое звание писателя. К примеру, автор эссе «Подвал литераторов, или Посмертные похождения русских писателей в Константинополе» (1923 г.) утверждал, что если бы кто-то из литераторов XIX в., подобно Аверченко, открыл кабак, ему никто не подал бы руки [11, с. 35]. Возможно, такие замечания высказывались и вслух, поэтому «Записками...» Аверченко дал сдачу по принципу «а судьи кто?».

Тем не менее вопросы остаются. Писатель не мог не понимать и должен был думать о том, как его слово отзовется не в Константинополе, а в Москве. А оно отозвалось необыкновенно быстро: 22 ноября 1921 г., буквально через два месяца после выхода «Записок...», «Правда» напечатала фельетон Ленина «Талантливая книжка». Это была рецензия не на «Записки...», а на «Дюжину ножей в спину революции», но время ее появления совпало с константинопольским вызовом Аверченко на дуэль. Определенно зная об инциденте, большевики устроили провокацию: писателя не поняли «свои» – белые, зато хвалят «чужие» – красные. Статью Ленина перепечатали и другие советские издания, в частности, петроградская «Красная газета» [16, с. 2], и европейская пресса, например, чехословацкое коммунистическое *Rudé právo* [23, с. 6]. Автор «Записок...» пережил тогда не лучшие времена и вынужден был защищаться на страницах той же *Presse du Soir* [8, с. 5].

Тем временем ленинская «Талантливая книжка» послужила сигналом: в новой России говорить об Аверченко и печатать его – можно. Уже в феврале 1922 г. «Гудок» поместил саркастическую рецензию на «Записки...», назвав их персонажей «жалкими людьми» и резюмируя: «Таланливо сделанная книжка оставляет жуткое впечатление. Аркадий Аверченко, может быть, помимо своей воли, воздал должное тем, кто ушел из России» (курсив наш – В. М.) [10, с. 2]. Перефраз названия ленинской статьи очевиден, как и провокационная суть выводов рецензента. Еще через месяц, в марте 1922 г., некто М. Ефимович, в котором угадывается Михаил Ефимович Кольцов, в то время сотрудник Наркомата иностранных дел и фельетонист «Правды», в критическом обзоре «Русская книга за границей» похвалил «Записки...» и пришел к такому же умозаключению, что и «Гудок»: «...о жизни самой эмиграции можно получить понятие только от... эмигрантских юмористов. Лишь они взяли на себя задачу выявить всю грусть, скуку и безверие зарубежного бытия» [12, с. 76]. И в качестве иллюстрации привел из «Записок...» фельетон «Русские в Византии» – анекдот о двух аристократах, не сумевших стреляться из-за дороговизны дуэльных пистолетов.

Рис. 1. Обложка «шуленинского» издания. Из личного собрания автора.

Эти и другие публикации давали парадоксальную идеологическую оценку книге: Аркадий Аверченко талантливо выполнил задачу сатирического развенчания белой эмиграции. И в конце 1922 г. «Записки...» полностью переиздали в Москве.

Московское издание, в отличие от константинопольского, не редкость. Представлено оно и в нашем личном собрании, поэтому свидетельствуем: книжка недорогая, карманного формата, без иллюстраций, на мягкой обложке помещена анонимная карикатура на Простодушного (Рис. 1).

При исследовании этой книги также возникают проблемы. Прежде всего, не удалось установить личность выпустившего ее Н. С. Шуленина, который, судя по каталогам РГБ и РНБ, не издал больше ничего. Далее расхождения московского переиздания с константинопольским хотя и малочисленны, но концептуальны. Вместо лирического

подзаголовок появился новый – «Эмигранты в Константинополе»; посвящение актрисе Горской исчезло.

Важно понять, по чьей воле были внесены эти коррективы. Если Шуленин сэкономил место – это одно, если выполнил пожелания автора – другое. Мы не исключаем того, что книга вышла не «пиратским» образом, а с ведома Аверченко. Во-первых, гражданская война закончилась, а он остро нуждался в средствах. Во-вторых, так он мог подать весточку о себе близким, давно потерявшим его из виду. И они эту книгу не пропустили. 7 ноября 1922 г. подруга писателя актриса М. С. Марадудина, оставшаяся в России, писала ему: «Недавно в Москве вышла книга твоих рассказов “Записки Простодушного”» [22, с. 388].

Однако в России у писателя остались и более близкие люди: мама, сестры и – об этом стало известно недавно – жена. С 1915 г. Аверченко состоял в невенчанном браке с оперной певицей Е. Ф. Петренко. Весной 1920 г. их отрезало друг от друга фронтом, он ждал ее в Севастополе до последней возможности, уехал один, затем тщетно звал к себе в Константинополь. Возможно, именно обида побудила его посвятить «Записки...» другой женщине, разделившей с ним первые эмигрантские мытарства. А когда речь зашла о переизданиях, тем более в Москве, Горскую потребовалось убрать. Посвящение ей, как и лирический подзаголовок, Аверченко снял и в берлинском переиздании «Записок...», к которому переходим.

Эту третью по счету редакцию цикла автор в октябре 1922 г. продал издательству «Север». Оформление книги перекликалось одновременно и с константинопольским, и с московским. На обложке помещался шарж на Простодушного, сидящего спиной к читателю. А на шмуцтителе он как бы разворачивался, открывал лицо: там был напечатан портрет автора, да еще и подписанный рукой Аверченко как «Простодушный» (Рис. 2). Мистификация продолжалась. Продолжалась она и в том, что писатель добавил подзаголовок «Я в Европе. Турция – Чехо-Словакия», опять же отождествляя себя с героем и рассказчиком.

Рис. 2. Обложка и портрет-мистификация со шмуцтитела берлинского издания.
Из личного собрания М. Ю. Гоголина.

Одновременно с «Записками...» «Север» выпустил антисоветский сборник Аверченко «Смешное в страшном». Предпосланное ему «Извинение автора», полагаем, можно рассматривать и как превентивное объяснение с теми, кто мог бы не понять «Записки...»:

«Не преступление ли – отыскивать смешное в страшном?

Не кощунство ли – весело улыбаться там, где следовало бы рвать волосы, посыпать пеплом главу, бить себя в грудь, и, опустившись на колени возле вырытой могилы, долго неутешно рыдать?.. <...>

...смеяться можно.

Больше того, – смеяться должно. Потому что у нас один выбор: или пойти с тоски повеситься на крючке от украденной иконы, или – весело, рассыпчато рассмеяться» [5, с. 3–4].

Структура цикла вновь изменилась. К воспроизведенному без особых корректив константинопольскому изданию Аверченко добавил еще три фельетона из *Presse du Soir* и семь фельетонов, написанных уже в Праге под первым впечатлением от города. Итого 29 глав. Эта, самая полная, версия «Записок...» стала канонической в нашей стране.

Таким образом, представляется возможным подвести некоторые **итоги**:

– проблема изучения творческой истории «Записок...» в целом вытекает из труднодоступности и скудности материалов по теме; основные источники сосредоточены в фондах Славянской библиотеки – Национальной библиотеки Праги;

– при жизни автора сосуществовали три редакции цикла: газетная, константинопольская и берлинская;

– первая редакция в составе предисловия и 12 глав увидела свет в константинопольской франко-русской газете *Presse du Soir* 4 декабря 1920 – 3 сентября 1921 г.; она позволяет устранить разночтения в написании прозвища героя;

– вторая редакция (предисловие и 19 глав) предназначалась для отдельного издания, выпущенного в Константинополе издательством «Новый Сатирикон» в конце сентября 1921 г. и ставшего библиографической редкостью, что затрудняет текстологическую работу; проблемными также видятся интерпретация посвящения сборника, выяснение источников его финансирования и так далее;

– сопоставление первой и второй редакций обнаруживает изменение структуры (появление обрамления, иной последовательности глав, расширение цикла за счет фельетонов из *Presse du Soir* и переработанных фельетонов из севастопольской газеты «Юг России»), добавления подзаголовка, посвящения и так далее;

– третья редакция представлена в сборнике, выпущенном в 1923 г. берлинским русским издательством «Север» и ставшим наиболее объемной версией цикла (предисловие и 29 глав).

Не имея возможности в рамках данной статьи затронуть все проблемы изучения «Записок...», наметим их пунктирно. Полагаем, стоит сосредоточиться на проблеме жанрового своеобразия, диалога автора и рассказчика, художественных функциях и основных приемах комического, типологии образов «бывших» и так далее. Изучение книги Аверченко, отметившей 100-летний юбилей, безусловно, требуется продолжить.

Список литературы

1. Аверченко А. Т. Записки Простодушного. Константинополь : Новый Сатирикон, 1921. 93 с.
2. Аверченко А. Т. Записки Простодушного. VII. Аргонавты и золотое руно // *Presse du Soir*. 1921. 19 января.
3. Аверченко А. Т. Записки Простодушного. I. Предисловие. Первый день в Константинополе // *Presse du Soir*. 1920. 4 декабря.
4. Аверченко А. Т. Записки Простодушного. V. Русское искусство // *Presse du Soir*. 1920. 24 декабря.
5. Аверченко А. Т. Извинение автора // В кн. : Смешное в страшном. Новые рассказы. 1920–1923. Берлин : Книгоиздательство «Север», 1923. С. 3–4.
6. Аверченко А. Т. Письмо Ю. И. Чеховичу // РГАЛИ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–3.
7. Аверченко А. Т. Русские в Византии (Исторический роман Аркадия Аверченко) // *Presse du Soir*. 1921. 9 июля.
8. Аверченко А. Т. Pro domo sua // *Presse du Soir*. 1921. 14 декабря.
9. Агеносов В. В. А. Аверченко в Константинополе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 1996. № 4. С. 42–54.
10. Белогвардейский зверинец («Гуд.<ок>») // Власть труда. 1922. 14 февраля.
11. Браславский А. Я. Подвал литераторов, или Посмертные похождения русских писателей в Константинополе (стенографический отчет одного ночного заседания). Константинополь, 1923. 36 с.
12. Ефимович М. Русская книга за границей // Россия. 1922. № 1. С. 76–78.
13. Инаныр Эрмине Стамбульский дискурс в творчестве А. Т. Аверченко в контексте русского мифа в турецкой литературе // Короб культурных кодов : сб. в чест на 65-годишнината на проф. д.ф.н. Дечка Чавдарова. Велико Търново, 2016. С. 463–470.
14. Йылмаз Мустафа, Кысаджик Убейдуллах Русская эмигрантская газета в Константинополе *Presse du Soir* и ее владделец Максимов в переписке представителей турецкого правительства // Русский Харбин, запечатленный в слове : сб. научных работ : к 70-летию профессора В. В. Агеносова. Благовещенск : Амурский государственный университет, 2012. С. 78–83.
15. Левицкий Д. А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М. : Русский путь, 1999. 551 с.

16. Ленин Н. Талантливая книжка // Красная газета. 1921. 24 ноября.
17. Непорода Н. П. Тип «маленького человека» в системе малых повествовательных жанров писателей-сатириков: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2015. 186 с.
18. Объявление о выходе новой книги Аркадия Аверченко «Записки Простодушного» // Зарницы. 1921. № 23. С. 21.
19. Романова К. С. Рецепция Константинополя-Стамбула в русской литературе первой трети XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2019. 163 с.
20. Тюркан Олджай Белоэмигрантская литература и периодика в Стамбуле // Интернаука. 2017. № 10-2 (14). С. 50-54.
21. Тюркан Олджай Литературная деятельность белоэмигрантов в Стамбуле // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 9-1. С. 93-97.
22. Хлебникова А. Е., Миленко В. Д. Беженские и эмигрантские годы Аркадия Аверченко (1918-1925). М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2013. 543 с.
23. Dvanáct ran nožem do zad revoluce // Rudé právo. 1921. 14 декабря.

The problem of studying the creative history of A. T. Averchenko's collection "Notes of the Simple-Minded": to the 100th anniversary of the first edition

V. D. Milenko

PhD in Philological Sciences, associate professor of the Department of Russian Language and Russian Literature.
Russia, Sevastopol. E-mail: vika-milenko@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is an attempt to comprehensively recreate the creative history of A. T. Averchenko's collection "Notes of the Simple-Minded" (1921) and solve the main problems of its study. The author formulates the significance of the cycle in the writer's legacy, defines its literary role and emphasizes that it is considered quite rarely, mainly in reviews. This is due to the relevance and scientific novelty of the research topic dedicated to the 100th anniversary of the book.

Based on the materials of the Constantinople Franco-Russian newspaper *Presse du Soir* ("Evening Press") of 1920-1922, the first edition of the cycle is recreated, the artistic functions of the estrangement (dialogue between the author and the narrator) are characterized, discrepancies in the spelling of the hero's nickname are eliminated. The newspaper editorial office and the first separate Constantinople edition, which is a bibliographic rarity, are compared, which complicates textual work. The author of the article not only provides the results of the comparison (the appearance of framing, changing the structure, and so on), but also makes assumptions about the reasons for adjustments, sources of funding for the book, attracting little-known materials from the writer's archive. The reaction of "Russian Constantinople" to the book is characterized.

The newspaper cycle and the Constantinople edition are further compared with the Berlin reprint of the "Notes of the Simple-Minded" in 1923, which became the most voluminous and thoughtful author's version of the cycle. The history of further, posthumous reprints of the book in Russia and in Europe is traced. Special attention is paid to the paradoxical political fate of the "Notes of the Simple-Minded". Coolly received by the Russian abroad, this book served Soviet propaganda after its publication in Moscow in 1922.

The results of the study are applicable both in the work on the study of the legacy of emigration of the first wave in general and Arkady Averchenko in particular, and in the context of the analysis of the Russian laughing literature of the twentieth century.

Keywords: Arkady Averchenko, "Notes of the Simple-Minded", *Presse du Soir*, textual criticism, editorial, cycle, picaresque, narrator's image, narrative mask, author's image, anecdote.

References

1. Averchenko A. T. *Zapiski Prostodushnogo* [Notes of the Simple-minded]. Constantinople. *Novy Satiricon* (The New Satyricon). 1921. 93 p.
2. Averchenko A. T. *Zapiski Prostodushnogo. VII. Argonavty i zolotoe runo* [Notes of the Simple-minded. VII. Argonauts and the Golden Fleece] // *Presse du Soir*. 1921. January 19.
3. Averchenko A. T. *Zapiski Prostodushnogo. I. Predislovie. Pervyj den' v Konstantinopole* [Notes of the Simple-minded. I. Preface. The first day in Constantinople] // *Presse du Soir*. 1920. December 4.
4. Averchenko A. T. *Zapiski Prostodushnogo. V. Russkoe iskusstvo* [Notes of the Simple-minded. V. Russian art] // *Presse du Soir*. 1920. December 24.
5. Averchenko A. T. *Izvinenie avtora* [The author's apology] // *V kn. : Smeshnoe v strashnom. Novye rasskazy. 1920-1923* – In the book: Funny in scary. New stories. 1920-1923. Berlin. Publishing house "North". 1923. Pp. 3-4.

6. Averchenko A. T. Pis'mo Yu. I. Chehovichu [Letter to Yu. I. Chehovich] // RSALA. F. 32. Inv. 1. File 97. Sh. 1–3.
7. Averchenko A. T. Russkie v Vizantii (*Istoricheskij roman Arkadiya Averchenko*) [Russians in Byzantium (A historical novel by Arkady Averchenko)] // Presse du Soir. 1921. July 9.
8. Averchenko A. T. Pro domo sua // Presse du Soir. 1921. December 14.
9. Agenosov V. V. A. Averchenko v Konstantinopole [A. Averchenko in Constantinople] // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedenie* – Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary Studies. 1996. No. 4. Pp. 42–54.
10. Belogvardejskij zverinec ("Gud.<ok>") – The White Guard menagerie ("Gud.&ok") // *Vlast' truda* – The power of labor. 1922. February 14.
11. Braslavsky A. Ya. Podval literatorov, ili Posmertnye pohozhdeniya russkih pisatelej v Konstantinopole (*stenograficheskij otchet odnogo nochnogo zasedaniya*) [The Basement of Writers, or the Posthumous adventures of Russian writers in Constantinople (verbatim report of one night session)]. Constantinople. 1923. 36 p.
12. Efimovich M. Russkaya kniga za granicej [Russian book abroad] // *Rossiya – Russia*. 1922. No. 1. Pp. 76–78.
13. Inanyr Ermine Stambul'skij diskurs v tvorchestve A. T. Averchenko v kontekste russkogo mifa v tureckoj literature [Istanbul discourse in the works of A. T. Averchenko in the context of the Russian myth in Turkish literature] // *Korob kul'turnyh kodov : sb. v chest na 65-godishnina na prof. d.f.n. Dechka Chavdarova* – Box of cultural codes : collection in the 65th anniversary of Prof. PhD Dechka Chavdarov. Veliko Tarnovo, 2016. Pp. 463–470.
14. Jylmaz Mustafa, Kysadzhik Ubejdullah Russkaya emigrantskaya gazeta v Konstantinopole Presse du Soir i ee vladelec Maksimov v perepiske predstavitelej tureckogo pravitel'stva [Russian emigrant newspaper in Constantinople Presse du Soir and its owner Maximov in the correspondence of representatives of the Turkish government] // *Russkij Harbin, zapechatlennyj v slove : sb. nauchnyh rabot : k 70-letiyu professora V. V. Agenosova* – Russian Harbin, imprinted in the word : collection of scientific papers : to the 70th anniversary of Professor V. V. Agenosov. Blagoveshchensk. Amur State University. 2012. Pp. 78–83.
15. Levickij D. A. Zhizn' i tvorcheskij put' Arkadiya Averchenko [The life and creative path of Arkady Averchenko]. M. Russkiy put' (Russian Way). 1999. 551 p.
16. Lenin N. Talantlivaya knizhka [Talented book] // *Krasnaya gazeta* – The red newspaper. 1921. November 24.
17. Neporada N. p. Tip "malen'kogo cheloveka" v sisteme malyh povestvovatel'nyh zhanrov pisatelej-satirikoncev : dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 [The type of "little man" in the system of small narrative genres of satiric writers : dis. ... PhD in Philology: 10.01.01]. M. 2015. 186 p.
18. Ob'yavlenie o vyhode novoj knigi Arkadiya Averchenko "Zapiski Prostodushnogo" – Announcement of the release of Arkady Averchenko's new book "Notes of the Simple-Minded" // *Zarnicy* – Zarnitsy. 1921. No. 23. P. 21.
19. Romanova K. S. Recepciya Konstantinopolya-Stambula v russkoj literature pervoj tretej XX veka : dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 [Reception of Constantinople-Istanbul in Russian literature of the first third of the XX century : dis. ... PhD in Philology: 10.01.01]. M. 2019. 163 p.
20. Turkan Oljay Literaturnaya deyatel'nost' beloemigrantov v Stambule [White Emigrant literature and periodicals in Istanbul] // *Internauka* – Interscience. 2017. No. 10–2 (14). Pp. 50–54.
21. Turkan Oljay Literaturnaya deyatel'nost' beloemigrantov v Stambule [Literary activity of white emigrants in Istanbul] // *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* – International Journal of Experimental Education. 2016. No. 9–1. Pp. 93–97.
22. Hlebina A. E., Milenko V. D. Bezhenskie i emigrantskie gody Arkadiya Averchenko (1918–1925) [The refugee and emigrant years of Arkady Averchenko (1918–1925)]. M. Dmitry Sechin Publishing House. 2013. 543 p.
23. Dvanáct ran nožem do zad revoluce // *Rudé právo*. 1921. December 14.